

Лев Николаевич Толстой

Кто убийцы? Павел

Кудряш

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

Кто убийцы? Павел Кудряш

«Библиотечный фонд»

1908-1909

Толстой Л. Н.

Кто убийцы? Павел Кудряш / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1908-1909 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ	8
** КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ	8
1	8
2	9
3	9
4	10
5	11
6	12
7	13
8	13
9	14
10	14
<ПАВЛУША>	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев Николаевич Толстой

Кто убийцы? Павел Кудряш (1908—1909 гг.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта

[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 37-го тома
Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной

[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru*

Перепечатка разрешается безвозмездно

–

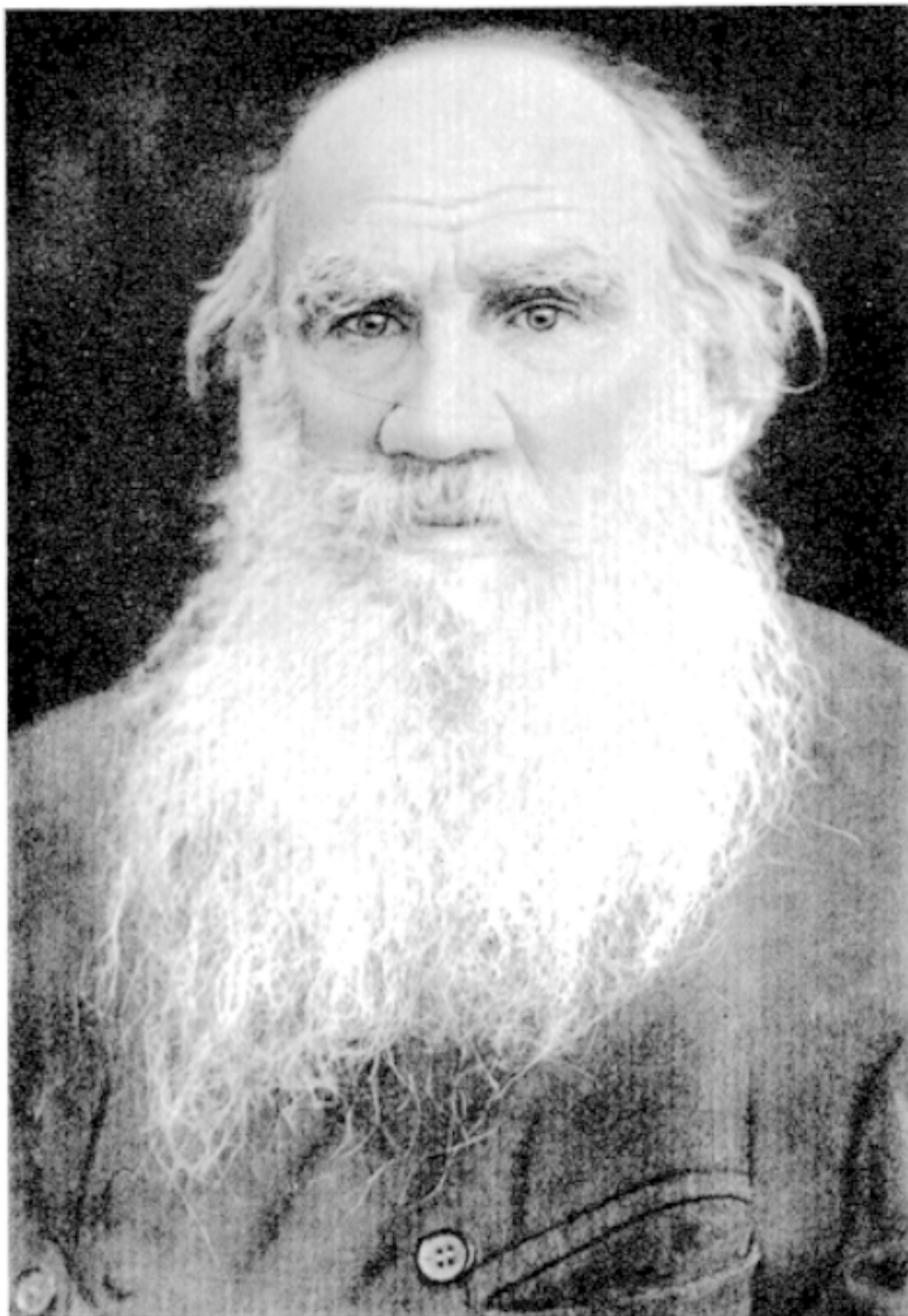
Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

**** КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ**

1

Это было 3 июня 1906 года. Овсы взошли хорошо, всходила и гречиха. Рожь выколо-силась и собиралась цвести. Народ взялся за навоз. Стояла жара. Подходило к полдню. Семен Лункин свалил последние кучи на свое паровое поле, и на двоим возвращался домой, дремля на передке передней телеги. Дорога шла овсами.

– Дядя! Гей! дядя Семен! – кричал звонкий девичий голос. Семен очнулся и увидел встречные два воза с навозом и здоровую босую девку в красном платке с утыканными васильками, в синей кофте и серой юбке. Девка стояла подле воза и, смеясь, окликала Семена.

– Задремал, дядя Семен? А?

– И то. А! Графена Марковна, – шутливо проговорил Семен, раскрывая глаза. – А что же Ванька-то? (Ванька был брат Аграфены, а Аграфена была пропита, образована за Павла, сына Семена).

– В Москву, шелудивый, ушел, тоже на место поставили.

– Ну! – отозвался Семен. – Что же, велела Павлушку проведать? Соскучилась, я чай?

– Что мне твой Павлушка? Очень он мне нужен. Ну его к лешему. Сворачивай, что ль!

Девка нахмурилась и покраснела.

– Эка ты щекотлива, погладиться не дастся. Что гневаешься? Хозяин не пускает. Дай разговеемся. Он в письме пишет тебе поклон...

Семен объехал.

– Ладно, ладно!

Девка улыбнулась, и всё лицо ее расслабло.¹

Задняя лошадь Семенова не заворотила совсем, и заднее колесо было на дороге. Грушка зашла сзади телеги и сильным движением откинула зад вправо. Ее воз прошел.

– Что ж, я не обижаюсь, – сказала она.

– То-то, мы тебя как жалеем.

– Но, стала! – крикнула девка на свою лошадь и, быстро семена загорелыми ногами, догнала ее.

– Ах, хороша девка! – проговорил Семен, покачивая головой. – Ох, Павлушка, мотри! Упустишь – не воротишь.

Семен отпрег на подчищенном дворе, кликнул малого и послал его с лошадьми в денное. Навоз был довожен, но работы было много. Надо было заплести плетень у огорода, надо было картошку пропахать, надо было косу отбить: сказывали, завтра к купцу косить зовут; надо было и решетнику на сарай либо купить, либо выпросить, либо так крадучи взять в лесу; надо было и письмо Павлу писать. Еще дорогой домой он передумал все эти дела и решил лошадей не трогать, заморил уж их, пускай вздохнут, и письмо трудно писать, а за косу взяться, отбить.

¹ Слова: и всё лицо ее расслабло *написаны поверх зачеркнутого*: и Семен не мог оторваться от притягивающей красоты этого сияющего здоровьем и силою веселого лица и могучей силою всего пряного, широкого женского стана.

Аксинья собрала обедать. Семен перекрестился на икону и сел за стол со старухой матерью, девкой и малым. Похлебав щей, Семен заговорил о Павле.

2

Павел жил конторщиком в Москве на «пафемерной» (парфюмерной) фабрике, получал 18 рублей и покамест хорошо присылал; прислал и последний месяц, да обещался побывать, а не приехал.

– Уж не заболтался ли? По нынешним временам того гляди. Ослаб народ.

Так толковал Семен за обедом, пережевывая хлеб и картошку. Старуха поддакивала об опасностях теперешних времен. Аксинья весело, бодро служила, присаживалась, ела и живо собирала на стол и со стола, и, радостно подмигивая глазами – а глаза у нее были² блестящие, умные,³ – хвалила сына, улыбалась при одной мысли о нем и ждала от него всего только хорошего.

Разговор о сыне зашел потому, что Семен рассказал про Аграфену, с которой Пашка был образован, и говорил о том, как он думает теперь же, после Петрова, до рабочей поры, женить.

– Хорошее дело, ах, хорошее дело! – говорила Аксинья. – Что ж, пошли ему письмо. Авось приедет. Даве Матрена сказывала, видали его. Такой щеголь, говорит, ровно⁴ барин.

– Что ж, – сказала старуха, отвечая не на слова, а на мысль, главное, чувства, которые, она знала, поднялись в сердце ее невестки, – чувства нежной любви, главной радости ее жизни – Пашки. – Что ж, – как бы оправдывая Аксинью, сказала она, – малый ничего, хоть всякому отцу лестно. Не буян, не пьяница. Малый, что говорить.

Так говорила бабка и точно одобряла внука.⁵

«Ну его к лешему», – сказала Аграфена Семену. Она считала, что так нужно сказать. Но когда она одна, отпрягши лошадь, пошла с девками купаться, она не переставая думала о Пашке, вспоминая его статную фигуру, усики, веселое лицо, его выходку под гармонию и улыбку, когда он не мог удержаться от удовольствия о том, что может так плясать хорошо. Потом вспоминала, как он на Рождестве, на засидках, подошел к ней, выбрал ее из всех девок и робко и уважительно вытянутыми губами поцеловал ее.

Так думали о Павле в этот день, 15-го⁶ июня, в деревне.⁷ С Павлушкой же в этот день случилось, казалось бы, неважное событие, но такое, от которого изменилась вся его жизнь.

3

⁸ Полтора года тому назад отец Павла привез его в город, поладил с евреем, хозяином парфюмерной фабрики, и, оставив ему посланные Аксиньей рубахи и жилетку, сам уехал.⁹

² *Зачеркнуто*: прекрасные

³ *Зач.*: добрые

⁴ *Зач.*: студент

⁵ *Зачеркнуто*: Отец больше чем одобрял, гордился им. Мать нежно и матерински любила его. Любила его по-своему, по-женски и Аграфена.

⁶ *5 написано по цифре 7.*

⁷ *Зач.*: В Москве же в этот день с Павлушкой Лункиным <Карякиным> случилось вот что: В контору парфюмерной фабрики Маслакова, где Павел служил <конторщиком> писарем, пришел

⁸ *Зач.*: Павел же в это время, живя в Москве, совсем забыл думать о деревне. В душе его в эти первые дни июня шла совсем далекая от деревенских забот горячая и радостная работа.

⁹ *Зач.*: Павлушка и в деревне был одним из лучших учеников и читал всё, что ему попадалось под руку. Теперь же в Москве он только одним и жил, одного желал, понять, узнать всё то, что знают люди, чем они живут, почему знают, что такая именно, такая, какая она есть, должна быть жизнь и почему и поддерживают ее такую. Узнать это он, не имея возможности узнать из высшей школы, он надеялся из книг и читал всё, что попадало, смотря на все книги, как на учение жизни.

Павел жил в деревне, руководясь в своей жизни, как живут все в молодые годы и руководствуется в жизни и огромное большинство людей до смерти, только тем, что делали все вокруг него, все его близкие. Если он отклонялся от того, что делали все, то только когда увлекался страстью, но, отклоняясь, знал, что делал дурно, так что считал хорошим то, что люди считали хорошим, и дурным то, что люди считали таковым. В деревне руководством его поведения был общий деревенский склад жизни: хорошо было не болтаться, а работать и уметь работать, не робеть ни перед чем, быть выносливым, не поддаваться в обиду, ко времени и повеселиться и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «Кто богу не грешен, царю не виноват». Если выйдет случай попользоваться от богачей – не зевать, но своего брата не обижать, а по чести. Во всяком же случае об душе и о боге помнить, мало того, что к попу ходить и молитву творить в свое время, но и нищего не отгонять, а помогать по силе, по мочи.

Пока молод – веселись, не грех, но не воруй, не распутничай, не напивайся без времени, а, главное, дело понимай и стариков слушай... Таковы были требования деревни и определения хорошего и дурного. И Павлушка держался их, не разбирая их. Но и в деревне, отдаваясь требованиям окружающих, он по книгам, которые он любил читать и читал, понимал, что есть какая-то другая жизнь, предъявляющая свои какие-то другие требования. Но в чем они состояли, он не мог понять, и эта смутно интересовало его. Читая всё, что попадало ему, он ждал ответа на этот вопрос, но читанные им книги не давали этого ответа.

Слышал он еще в школе похвалы признанным лучшим русским писателям, от Пушкина и до Чехова, и где мог доставал и читал их и, прочитывая их, испытывал странное чувство недоумения и внутреннего разлада. Один голос робко говорил ему, что тут ничего нет такого важного, главного, объясняющего ему смутного недоумения о том, зачем попы учат тому, что так странно, зачем господа богато живут, не работают,¹⁰ а у соседа Шитняка пала последняя лошадь и в щи покрошить нечего. Но все эти недоумения были смутны, и уж не в глубине души, а громко, явно говорил голос, что, видно, так надо и что недоумение оттого, что я не знаю, не понимаю, как не понимаю катехизис, который учил в школе.¹¹

4

Но в Москве очень скоро это успокоение его разрушилось, и вопросы о том, почему сложилась жизнь людей так, что одни люди покупают по три рубля духи, а другие ходят днями не евши, а в церквах звонят колокола и блестят золотом иконы и парчовые ризы, всё чаще и чаще стали приходить.¹²

¹⁰ *Зачеркнуто:* Зачем это автомобили у одних и духи, которые у них делают и как слышно продают по 3 р. за склянку.

¹¹ *Зач.*: И в деревне он решил, что этого и понимать не надо, а надо жить, как все живут. Жил он в деревне чистою жизнью. В деревне он целовался с девушками на посиделках, но греха не знал, потому что сам не понимал, отчего ему было совестно. Здесь же в Москве он был к себе еще строже. Кухарка стала приставать к нему. Он с <злостью> обругал ее. На его беду он был миловидный, черноглазый, чернобровый, курчавый, среднего роста, стройный, ловкий. Особенно хорош он был, когда улыбался. Самые угрюмые люди улыбались на его улыбку. Он знал, что женщинам он нравился, но не только не дорожил этим, но чурался их. Он помнил свое сватовство с Аграфеной и то, что он и сказал ей, когда она посмеялась ему, что он забудет ее с московскими кралями. «Буде язык чесать-то, – сказал он ей, – как сказал, что никого кроме тебя не хочу любить и не буду. Мое слово во, как камень». И как он сказал, так и жил, и хотя и выслушивал рассказы московских ребят об их веселой жизни, сам только неодобрительно покачивал на эти рассказы головой. В чистой жизни этой в Москве поддерживала его особенно книжечка, которая попала ему, о половой распущенности, где описывался вред и опасность полового разврата. Также и в деле хмельных напитков помогли ему книги. В деревне он на празднике и в компании пил, но в Москве, также благодаря книге о хмельных напитках, он совсем отказывался от всего хмельного. Товарищи звали его монахом и смеялись над ним, но смеялись добродушно и любили его, потому что он не только не хвастался перед ними своей чистой жизнью, но, напротив, как будто стыдился ею. Живя в Москве, у него была одна страсть, поглощавшая все его силы, это была страсть к знанию, он весь горел этой страстью.

¹² *Зачеркнуто:* И мало того, что стали возникать вопросы, но явились люди, которые прямо давали готовые ответы на эти вопросы.

То, что это так было потому, что так было угодно богу, как толковал это священник, не могло быть правда, – он чувствовал это всей душой, а то, чтобы это было просто оттого, что богачи были «сволочи», как говорили это пьющие товарищи, он тоже не мог соглашаться. Это было слишком просто. Должно было быть более ясное и разумное объяснение, и его-то он и искал. Но мало того, что он искал его, он смутно боялся этого решения, потому что чуял, что решение это, если оно есть, перевернет всю его жизнь.

Вся жизнь, окружавшая его, представилась ему огромной, сложной загадкой, и разгадка этой загадки сделалась для него постоянно тревожившим его вопросом жизни. И отец и мать (он ее больше всех любил) и Аграфена, невеста, и домашнее хозяйство – всё это занимало его, но всё это было каплей в море в сравнении с тем главным интересом – разгадывания¹³ загадки жизни.¹⁴

Внешняя жизнь его шла, как обыкновенно идет жизнь всех в людях живущих рабочих. Жил он на квартире с земляком. В восьмом часу приходил в контору, садился за счета, внося их в книгу, и за написание накладных и расписок в получении и т. п. Обедал, отдыхал, садился опять за работу, потом уходил домой, читал, писал стихи, очень плохие, но не знал, что они плохие. По праздникам, когда контора была заперта, ходил <в читальню>, в зоологический сад, иногда в театр. Одевался чисто, любил это, но отцу все-таки посылал больше половины заработка.¹⁵

Один раз, в субботу вечером, когда он вместе с товарищем по конторе, Николаем Аносовым, выходил из конторы, Аносов сказал ему:

– Вот ты охотник до книг, а читал «Царь-голод»?

Павел сказал, что не читал.

– Так вот, заходи, у меня есть; пожалуй, дам.

Павел взял книжки и всю ночь читал их. Перед утром заснул. Проснувшись, хотел по привычке перекреститься, но вспомнил то, что он прочел, улыбнулся сам с собой и стал повторять в себе то, что он прочел и что было началом разгадки той загадки, которая так неотвязчиво мучала его.

5

Вскоре после этого Аносов¹⁶ ввел Павла в союз рабочих, где Павел познакомился с целями их деятельности. Мало того, что ясно было признано и доказано умными учеными людьми, что существующее устройство жизни нехорошо, несправедливо, возмутительно, было найдено средство исправить всё, и мало того: дана возможность участия в этом исправлении.

¹³ В автографе: разгадыванию

¹⁴ *Зач.*: Он весь горел этим жизненным любопытством. Он жадно прислушивался к речам хозяев и покупателей, когда они приходили в контору, к разговорам в трактире, на улице. Он ходил в театр слушать знаменитые пьесы Гоголя, Грибоедова. Слушал, вытягивая шею, приглядывался блестящими глазами, читал газеты, книги с многообещающими заглавиями, и везде тайна жизни оставалась тайною, и что-то, что надо было узнать, не узнавалось. Он сам не знал того, что составляло главный интерес его жизни. А между тем жизнь его так

¹⁵ *Зачеркнуто*: В тот день, когда отец его собирался посылать ему письмо, вызывая его в деревню, с Павлом случилось казалось бы неважное событие, но событие это изменило всю его жизнь. Николай Аносов, служивший прежде вместе с Павлом в конторе, встретил Павла на улице и зазвал его к себе на квартиру. Аносов был развеселый парень, девушник, песенник и вместе с тем умный, начитанный и смелый. Что-то у него с месяц тому назад вышло с хозяином, его разочли. Аносов был без места, но, видимо, не нуждался, был попрежнему хорошо одет и был такой же веселый. На квартире он мимоходом поиграл с хозяйской дочкой. Девушка обругала его, смеясь, очевидно не обижаясь на его игру, и дала ему ключ от его каморки. – Вот что, брат Паша, первым делом обещаю, что никому говорить не будешь. – Известно. – Всяких много, да я тебя знаю, все-таки с понятием. Так вот, видишь, есть такие люди, что понимают, от чего одни с жиру бесятся, а другим жрать нечего. Мало [?] что понимают. Пришло время, что конец этому. – Т. е. как же? – А вот возьми книжки да почитай. – И Аносов передал Павлу две брошюры. – Прочтешь, завтра вечером приходи к Звереву (трактир), там потолкуем.

¹⁶ *Зач.*: познакомил Павла с Владимиром Васильевичем Разумником. Павел стал ходить на собрания и стал революционером

И Павел весь отдался этому делу. Он перечитал все книги: и «Хитрую механику», и Кропоткина, и Реклю.¹⁷

И в душе Павла всё переменялось. В сущности, было то же, что было в деревне. Разница была только в том, что там он руководился тем пониманием жизни, которое там было обще всем, теперь он руководился тем, которое здесь было обще окружавшим его. Еще разница была в том, что там он не радовался на себя, не был доволен собою; здесь же он не мог не радоваться на себя и не быть довольным. Но зато там он не испытывал недобрых чувств к людям, даже приказчика, оштрафовавшего его отца за лес, он не ненавидел, а признавал, что тот сделал то, что по его должности нужно, и не ставил себя на место барчука, пролетавшего мимо него на велосипеде, – почему-то считая, что так это должно быть. Теперь же он не мог не спрашивать себя, почему не он едет с этой дамой на рысаке, а тот, с усиками кверху, и чувствовал недоброе чувство к этому господину с усиками. Третье было то, что там он ничего не ожидал от всей жизни, а всё только от себя, здесь же была надежда, даже уверенность, что всё это вот-вот переменится, и в этой перемене он будет одним из участников, пожалуй, что и главным: были же руководители из рабочих.

6

Так жил он до 15-го июня, всё дальше и дальше погружаясь в эти мысли и чувства и всё больше и больше забывая о деревне и Аграфене.

Целомудрен он был и в деревне, также воздержан он был и здесь, весь поглощенный мыслью о революции. В деревне он был целомудрен, потому что считалось дурным распутничать.¹⁸ Когда при прощании Аграфена сказала ему: «Теперь забудешь меня с московскими кралями», он сказал: «Буде язык чесать попустому; сказал – тебя одну люблю, тебя и буду любить». Теперь в Москве он, вспоминая это, улыбался сам на себя, и ему странно было любить безграмотную Грушку. Он думал теперь о духовной связи с интеллигентной женщиной и ради этой связи и революционного дела хотел быть и был целомудрен.

15-го июня Павел, уходя вечером из конторы, натолкнулся на улице на бывшего товарища по конторе и товарища по фракции рабочей организации, членом которой уже с нового [года] состоял Павел, Николая Аносова, веселого, разбитного парня, считавшегося очень умным, начитанным и смелым товарищем. Первым словом Аносова было:

– Я к тебе, Паша. В контору не хотел идти. Ну его, эксплуататора, еврея. А до тебя дело и важное и хорошее.

Павел пошел с ним, и дорогой Аносов рассказал Павлу, что в их фракции (он с особенным удовольствием пользовался всяким случаем говорить такие слова) решено для покупки типографии – а типография нужна для пропаганды – делать экспроприации. И в этом должны участвовать все сознательные рабочие. А так как Павел считался таким сознательным членом партии, то он предлагал ему с ним вместе сейчас же идти в комитет рабочей ассоциации, где будет решено, как и где совершить экспроприацию. Павел,¹⁹ слушая Аносова, едва держался от волнения и восторга. Он думал не о том, что ему предстоит, не о том, что такое экспроприация. Он знал, что это делают. И этого было довольно. Стало быть, это хорошо. Он краснел и бледнел от восторга, слушая Аносова. Главное, самое важное было для него то, что он вступал в прямое общение с вожаками революции, что он мог участвовать в освобождении народа, мог действовать. Аносов звал его сейчас же. Но Павлуша сказал, что ему надо забежать домой по делу, но что через три четверти часа будет на Бронной.

¹⁷ *Зач.*: И знавшие его считали его выдающимся деятелем и дорожили им.

¹⁸ *Зачеркнуто*: И в Москве он первое время держался чистоты, потому что

¹⁹ *Зачеркнуто*: выслушал, выспросил и вместе с Аносовым пошел на Бронную, где, как говорил Аносов, заседал Комитет.

7

Павел пошел скорым шагом домой, не чувствуя себя от восторга, что он уже член, что будет участвовать, покажет себя. И рядом с этими мыслями он подумал о том, что для того, чтобы в первый раз войти в общение с этими необыкновенными людьми, надо произвести на них хорошее впечатление. А для произведения этого впечатления нужен *костюм*, как он называл это. И у него был такой пиджачок небрежный, короткий и, главное, брюки, узкие, хорошо обрисовывавшие ноги, которые ему особенно нравились. Он быстро дошел до дома, переделался, посмотрелся в зеркало, поправил усики, причесался и большим шагом пошел на Бронную.

8

Владимир Васильевич Антипатров, бывший студент 5-го курса медицинской академии, присужденный к каторге за участие в бунте рабочих, бежавший с каторги за границу и возвратившийся в Россию под другим именем, летом 1906 года приехал в Москву, чтобы вербовать рабочих в партию социал-революционеров.²⁰

История Владимира Васильевича была такая. Сын дьякона, он в семинарии еще обратил на себя внимание и начальства и товарищей необыкновенно блестящими способностями, честностью, правдивостью и большой наружной не красотой, но привлекательностью. Улыбка у него была такая заразительная, что самый серьезный, огорченный человек не мог удержаться от ответной улыбки. Родители его с большими хлопотами добыли ему место священника при условии женитьбы на дочери старичка деревенского священника. Сколько он ни убеждал отца, что он не годится в священники, сколько ни упрашивал мать, родители сердились, обещались проклясть его. Владимир решил избавиться другим способом. Он поехал к невесте и прямо объяснился с ней, сказал, что он не верит в церковь, не имеет любви к ней, что поэтому его вступление с ней в брак и на место священника было бы подлостью, гадостью. Простая, добрая девушка сначала огорчилась, но потом была побеждена прелестью улыбки и правдивостью жениха и решила расстроить свадьбу. Всё так и сделалось. Владимир уехал из дома без копейки. Отец только больше ругал его и не позволил матери помочь сыну.

В университетском городе Владимир обратился к бывшему преподавателю семинарии, тот достал ему уроки, и Владимир, перебиваясь уроками, поступил в медицинскую академию. Тут началась его революционная деятельность. Вызвана она была преимущественно той поразительной противоположностью, которую он не мог не чувствовать не только между безумной роскошью тех семей, в которых он давал уроки (из таких семей была особенно поразительна одна, где он готовил в гимназию очень глупого мальчика), но, главное, той противоположностью утонченных научных знаний и ужасного по грубости и непоколебимости суеверного невежества и его отца, дьякона, и товарищей семинаристов, и, главное, масс народа. Главным, единственным двигателем его в революционной деятельности было желание просветить народ, избавить его от того невежества, поддерживаемого церковностью, при котором он не мог не подпадать власти всех тех, кто только хотел пользоваться ею.

²⁰ Далее в автографе следует место с пометой на полях: «пр[опустить]»: <Лежал> еще в постели, обдумывал план действия сегодняшнего дня, когда к нему постучал Аносов. Накануне было затянувшееся до 2 часов ночи собрание московской фракции комитета соц[иал]–революционеров, и Владимир Васильевич много говорил, спорил, не мог заснуть и после того, как разошлись. Спор шел о том, что для Владимира Васильевича и других товарищей его было давно и окончательно решено и против чего восстал один из новеньких, именно о том, можно и должно ли добывать необходимые для партии деньги экспроприациями?

9

С начала своей деятельности Владимир Васильевич жил все последние 5 лет своей жизни, не имея никаких личных желаний, весь отдаваясь своему делу. Не говоря уже об удобствах жизни, о радостях женской любви, он всякую минуту был готов отдать свою свободу, жизнь во имя той цели, которую он преследовал. Он берег себя, скрывался от своих врагов, но делал это не для себя, для своей личности, а для дела, великого общего дела избавления народа от матерьяльного и духовного ига. Удобств жизни он не знал и не хотел знать никаких. С женщинами, и с очень многими, у него были самые близкие отношения, но настолько целомудренные и деловые, что, несмотря на то, что и Юлия Кравцова и Атансон были обе влюблены в него, он, хотя и подозревал это, не позволял и самому себе сознаться в этом.

10

Теперь в Москве он жил у одного товарища, бывшего артиллерийского офицера, и у него же устраивал собрания. На последнем собрании, в начале июня, был и Павел. Речь на собрании шла о необходимости приобретения денег для покупки типографии. Аносов <бывший на собрании> веселым...

<ПАВЛУША>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.